

Мой дядя и кое-что из его рассказов.

Полонский Я. Мой дядя и кое-что из его рассказов // Русский архив, 1876. - Кн. 1. - Вып. 1. - С. 72-78.

Оригинал здесь -- <http://mikv1.narod.ru/text/PolonRA76K1N1.htm>

В Ряжском уезде Рязанской губернии есть сельцо Смолеевка. Оно когда-то, как родовое имение, принадлежало родному дяде моему Александру Яковлевичу Кафтыреву. В сороковых годах, за год до выхода моего из Московского университета, во время каникул летом провел я чуть ли не целый месяц в его деревенском доме, с окнами и балконом на выгон, с бутылками разных настоек на окнах, с охотничьими ружьями в спальней и с запахом клоповника и онуч в сенях и в передней.

Дядя этот носил меня когда-то на руках и учил меня ползать, когда я был ребенком (так как, говорят, я стал ходить не умея ползать), любил меня как родного сына--и конечно был так рад моему приезду, что уже не бранил меня за длинные волосы.

Жил он почти также, как и многие тогдашние помещики, состарившиеся холостяками: не только перед обедом, но и перед чаем, и перед завтраком, и перед ужином водку пил, но бранил старосту за пьянство, и читал встречным крестьянам уроки трезвости. Держал при себе крепостную девицу в качестве хозяйки дома и каждое воскресенье не только ходил к обедне, но и пел на клиросе или, вернее сказать, завывал, вторя деревенским дьячкам. Это пение невольно возбуждало улыбку: мой старый дядя не имел ни слуха, ни голоса. Дома, целый день не выпускал он изо рта коротенького, волосяного чубучка с большою пенковою трубкой, с серебряным колпачком и такую же ковырялку. Но, не смотря на странности, Александр Яковлевич был и гуманнее и образованнее своих соседей: редкий день чего-нибудь не читал, мог читать по-немецки и по-французски, ежегодно выписывал календарь и подписывался на Московские Ведомости. В Рязани, в доме теток моих, на Дворянской улице, у него были своя библиотека и небольшое собрание медалей, редких монет, раковин и минералов. В молодости своей он был военным, бывал и в Питере, и в Москве, и в Казани, и на Кавказе. Добрый и доверчивый, он, по видимому, легко сходилась с людьми всех возрастов и состояний; но жениться не мог, потому что во всю жизнь свою не имел духу ни признаться в любви, ни решиться за кого-нибудь посвататься. Уже в пожилых годах, судьба свела его с одною из горничных его покойной матери {Александры Богдановны Кафтыревой, урожденной Умской, дочери графа Алексея Григорьевича Разумовскаго.} Лизаветой, и он до конца жизни своей не расставался с нею. Набожные до фанатизма и до брезгливости целомудренные сестры его Вера и Анна, состарившиеся девицами, никогда не могли простить ему этой связи и смотрели на Елисавету как на лукавую и коварную девку, которая, будто бы, для того чтобы приколдовать его и забрать в свои руки, приучила его водку пить. Но я был еще слишком юн и доверчив, чтобы подозревать разные ехидства в этой женщине. Я смотрел на нее как на няньку моего дяди; и она была искренно, как родная, рада мне, когда я, в телеге, прикатил в Смолеевку.

В Смолеевке я застал дядю своего уже не задолго до его кончины: он уже не ездил с ружьем на охоту, и даже белый, легавый пес его "Пижон" был не страшен, когда, залезая под обеденный стол, ворчал и хватал меня за ноги. Он также был накануне своей кончины. Дядя мой, в это время, сильно страдал грыжей и часто жаловался на боль в пояснице. Не могу, при этом удобном случае, не рассказать, как он нажил себе эту грыжу. Она не была для него недугом наследственными, он схватил ее, спасая жизнь сестры своей Натальи Яковлевны Полонской, моей матери. Вот как это случилось.

Почему и от чего, не помню, на руках у незамужних теток моих в Рязани оставалась дочка замужней сестры их Евлампии Яковлевны Плюсковой (двухлетний или трехлетний ребенок); и не знаю почему именно, мать моя вместе с дядей взялись отвезти эту маленькую племянницу к ее матери в деревню "Острые Луки", верстах в 10-ти от Спаска, где муж Плюсковой был в это время дворянским предводителем. Деревня Острыя Луки (или Острая Лука) летом была в 40 верстах от Рязани; зимою же путь к ней шел по реке Оке (по льду) и был короче. Была масленица, и еще стояли зимние морозы, когда они выехали и вероятно так рассчитали, чтобы засветло добраться до усадьбы Плюсковых. Но в конце пути кучер сбился с дороги, не нашел подъема с Оки на берег, понадеялся на русское "авось", повернул тройку к берегу, хлестнул вожжами, и лошади по грудь провалились в снежный сугроб, а кибитка завязла. Дядя и мать мои, со спящим ребенком на руках, кое-как вылезли из под снега и взобрались на берег. "Эге", сказал дядя, "да мы не далеко; вот это крышка виднеется: это их дом, а это сад их. Пойдем!" Они двинулись по снегу, но не успели пройти и четверти часа, как уже началась метель, и наступили непроглядные сумерки. Даже обратный путь к кибитке был потерян. В стороне мелькнул огонек. "Эге",